

СЕРГЕЙ ГЕЙЧЕНКО

**ДВА
РАССКАЗА
И ОДНА
ПОВЕСТЬ**

2009
М-М
2010

Сергей Гейченко

Два рассказа и одна повесть

«Издательские решения»

Гейченко С.

Два рассказа и одна повесть / С. Гейченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859793-0

Все три вещи в этом сборнике объединены темой «оглашенных» и скрытого «оглашения» — приготовления человека к крещению (здесь трудно не вспомнить одноимённую книгу А. Г. Битова, но прямые аналогии были бы опасны). Или просто прихода его к вере. Но прихотливый, немного «косолапый» язык прозы С. А. Гейченко не даёт заскучать от морализаторства, зачастую читатель даже не догадывается, что его воспитывают, а просто крадёт по тексту, будто по пространству философской галлюцинации.

ISBN 978-5-44-859793-0

© Гейченко С.
© Издательские решения

Содержание

Негры	6
Мария	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Два рассказа и одна повесть

Сергей Гейченко

Иллюстратор Максим Геннадиевич Маркевич

Дизайнер обложки Даниил Николаевич Григорьев

© Сергей Гейченко, 2017

© Максим Геннадиевич Маркевич, иллюстрации, 2017

© Даниил Николаевич Григорьев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-9793-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Негры

В нашем Марьине появилось много негров. Они стоят на углах, предлагая прохожим прямоугольные куски бумаги. Одеты негры по-европейски, и вид у них был бы совершенно джазовым, если бы не сквозняки. Ветер обдувает их до угольного цвета, до потери блеска, до скругления выступов. Они кутаются в капюшоны, сутулятся и угрюмеют, умножая в глазах тоску. На многие сотни метров их взгляды расходятся по бульвару, не натываясь ни на сочувствие, ни на прохожих. Ударил октябрьская прохлада – и негры начали чувствовать, что на них слишком благожелательно смотрят.

Вадос Ведрой был свой в этих пространствах. Он хорошо понимал, каким образом самые могучие здешние деревья были в пять раз ниже домов. Ему было понятно, почему ничто, абсолютно ничто ни над чем здесь не нависало, не могло, не могло нависнуть. Величественность, стеклянность потоков пустого пространства не смущала и не сносила Ведроя.

В пурпурном спортивном костюме, удлинённый вечерними тенями, он был убедителен. Подскакивая от избытка сил, он шёл уверенно и точно к поречному парку, низкорослому, но ухоженному. По дороге попался негр в оранжевой куртке и малиновой рубашке, который закуривал, верно, уже тридцатую сигарету за день, морща губы и лоб в неожиданном добродушии. Шаркнув светлым ботинком, он исчез в палатке с женским трикотажем.

Ведрой же теперь бежал, лихо срезая кулаками усталые ветки бульварных кустов. Зелёная кровь пачкала ему манжеты, когда он делал полтора сверлообразных оборота и бил иву левой справа. Хлёткий звук, залихватская припрыжка – закономерный плод эластичных, жилистых икр – вместе это едва не воодушевляло все двести тысяч забитых марьянцев, запёкшихся в бетонных сотах своих квартир.

Солнечный парк имел камень, на котором недавно было выдолблено число восемьсот пятьдесят. Шашлычные шатры, не дождавшись настоящих холодов, сгнули, и теперь единственный запах на спортивной площадке – запах скользкой перекладки и истёртых брусев. Так и пройдёт вся молодость, среди металла, уток, почему-то упрямо зимующих на нашем берегу, велосипедистов и низкорослых деревьев. Самое из них жухлое торчало с краю у рядов; его поливали пивом, вешали на него одежду, клали под него сумки, обламывали ему сучки, оскверняли его плевками. Страдания и смирение, всегда идя рядом, объединяют людей и антураж. Если все люди покинут Москву, это дерево разрастётся до исполинских размеров, его корни проникнут в подземку, его широкие ветви упрутся в дома и раскрошат их. Набережная на века окажется в его тени.

Пока же бояться нечего, нужно сдерживать природу, укрепляя себя. Когда два дня не позанимаешься, всё тело исходит зудом, из глубины каждой мышцы питит теснота, кровавой голод и уныние. Мозоли белеют и отходят от рук. Одна боль утоляется только другой болью. Раскинув ноги, заломив навыверт руки, отвлекшись от логического мышления, натянувшись до полного рассеяния твёрдости, можно преодолеть вялость. Если этого не сделать в течение трёх дней, кровообращение вконец расслоится и ты станешь безвольным студнем. Чем усерднее, чем мучительнее тренировался раньше, тем более знойным и тупым будет зов мышц. А впрочем, на площадке чувствуешь себя скорлупой, натяжённой поверхностью, античной, бездушной полуживой скульптурой. Облагородить физкультурника может только борода. Только борода возвращает абстрактному торсу нутро.

Но что же видит наш Вадос? Он видит индийскую делегацию в роскошных толсто изогнутых усах, белоснежных пиджаках и рыжих туфлях с багряными носами. Поодаль виден кто-то вроде черкеса, скачками и боком подкрадывающийся поперёк пешеходных дорожек. Почти все они прекрасны, почти на всех женщины смотрят с восхищением. На стремительной смеси русского и нерусского они советуют перейти на высокие брусья, перевесить куртку ровнее,

попробовать новые упражнения. Ведрой смущённо и гостеприимно безотказен. Он так бледен, так тощ рядом с ними. Неправда, что от тренировок мужчины становятся похожими на обезьян. Они становятся похожими на обезьян от тренировок одного только тела, без постоянного напряжения ума. Отдых так же важен, как сами усилия, и не только потому, что во время него всё и растёт – он заставляет задумываться, мечтать, распространяться. Освобождённая воля прикладывается к новому предмету, пусть пока лишь краем, мельком. Физические упражнения способствуют рождению афоризмов. Сознание после трёх-четырёх хороших подходов начинает двигаться опять же по границе, по поверхности. Поверхностность – исток и условие афористичности. Да и любая законченность – это смыкание поверхности, а не завершение внутренности.

Раздутый, вспотевший, с кровью, летящей по сосудам со скоростью цветочной мухи, с горящими роговицами глаз и здоровым румянцем, Вадос Ведрой возвращался домой мимо церкви. Нищие здесь не могли добраться до паперти, перед которой раскидывалась стоянка для транспортных средств паствы, портал с церковной лавкой, площадь с симметрично стоящими скамейками, всегда пустыми, наконец, полукругом восходящие белокаменные ступени. Весь архитектурный ансамбль должен был заставить гостя трепетать, молчать и обесмысливаться ещё до входа в храм.

Напротив первых ворот на изгороди сидит компания, походящая на фортепианную клавиатуру: русские зарабатывают с инвалидными креслами, негры просто сидят с гитарами и без гитар. Они поют не для богатства, их просто притянула романтичность этого места. Самый старый из них, в сером неновом пиджаке, худой и рифлёный жизнью, начинает самоуверенную песенку про рыбу-кота¹, молодые и страшные вступают с субдоминанты².

Они хрипят, их гармошки визжат, тихое многоголосие останавливает прохожих, скоро у въезда собирается толпа, и толпа даже и не думает негодовать. Подтянутый дьякон и двое подьячих, светлоликие, кроткие, неуклюжие мальчики, приходят послушать, улыбаются. Никогда в нашем Марьине не было такого представления.

Вадос, всё такой же разгорячённый, решил, что зайдёт внутрь, когда они кончат петь. С чего бы теперь-то печалиться? Зачем мяться с ноги на ногу в растерянности самомнения? Жизнь складывается удачно, он молод, здоров, красив. Его лицо уравновешенно, фигура подавно ладна. Если так прикинуть, в мире есть миллиард мужчин, которых он привлекательнее. Миллиард секунд проходит за тридцать три года. Вадосу Ведрою жизни не хватит, чтобы назвать по именам всех, кого он превосходит внешней приятностью, талантом, честолюбивой порывчатостью и половой грацией. Он даже умеет шевелить отдельно каждым пальцем на ногах.

И даже не в церкви, скорее по дороге, метров пятьдесят туда и обратно, его внутренняя голова повернулась, его живот провозгласил себя главенствующим над мёртвой формой кожи. Больше не будет скульптуры, по верхам думающей об очертаниях. Больше не будет душевного зуда, как у раннего христианина, начитавшегося греческих языческих книг. Во главе всего стоит теперь нутро.

Ведрой чувствовал себя теперь как-то закрыто, но видимо, так закрыто, как иные чувствуют себя открыто. Он был так радостно несвободен, как иные бывают горды свободой. Снова к нему вернулась лёгкая, с подскакиваниями, походка; теперь казалось, что мускулы состоят из многих толстых ниток, которые медленно укорачиваются, затягивая скелет. Но напряжение было умиротворительно и безболезненно. Разумеется, все эти чувства скоро прошли.

На следующее утро Вадос Ведрой всё забыл и ничего не помнил. Он не воцерковился, не купил за двадцать пять рублей отрывной православный календарь, не захотел никого такого

¹ Well i wish i was a catfish

² swimmin in a oh, deep, blue sea I would have all you good lookin women, fishin, fishin after me

прочитать. Он выпил яблочного сока, выжатого собственноручно, и занялся своими делами. Ведь каждый человек должен учиться и работать, причём лучше не где-то, а над чем-то.

2009

Мария

Расхожее убеждение, что настоящий художник должен неимоверно пить, курить и вообще быть одержимым бесовской стихией, не имеют под собой достаточного основания. Художник должен быть разве что трудолюбив, хотя бы в минуты увлечения, а животность нрава и непрестанную возвышенность помыслов оставим актёрам, играющим художников.

Александр Тихонович Сыров вёл чистый образ жизни и будто готовил себя к чему-то несовременному. Тоска по беспримесному и трансцендентному проявилась у него даже в поедании квашеной капусты с луком и постным маслом или без них: хочется упиться неразбавленным кислым вкусом, но пустая капуста приобретает оттенок горечи, если убрать масло; а если не убирать, она блекнет и не приносит полной радости. Вот в таких метаниях проходит жизнь художника.

Семья Сыровых была не по эпохе велика, и это даже соседям придавало патриотической гордости. Забот в таких семьях много, думать о жизни вечной некогда. Если имеешь свой угол, угол с койкой, шкапчиком и складным столиком, мечтаешь о материи, а не о том, откуда она. Впрочем, всё как раз наоборот – в больших семьях простые люди, а такие люди если и мыслят, то чисто, и защищены от грешной дури вроде Ницше и Фрейда, да будет проклят его совокупный тираж до седьмого колена. Квартитра была в общежитии, и в том же углу, где некогда стояла кроватка, потом встала кровать, на колёсиках, как больничная. Нескончаемые братья, покрытые потом, занятые делом, успели остепениться к тому времени, как семью переселили из центра куда-то к Яузе, в свежий, безвкусный, оранжевый дом, откуда открывается широкий вид на бесчисленные автомойки, стоянки, на пыльную стеклянную высотку, внутри которой юридический институтец, а вокруг которой таинственный забор с колючей проволокой.

Теперь в Последнем переулке нет общежитий, а в детстве были, и по этому поводу Сыров отправился туда за мыслями для новой картины. В семье не без урода, хотя и для семьи, и для урода это малоутешительно. Редкий художник с достоинством и без смекалки может быть в финансовом отношении полезен не только себе. У него был безвыходный талант писать грязные стены. Кисть его (а иногда и обувная щётка его) сама создавала нужную фактуру, сама несколькими движениями намечала линии трещин. Он умел рисовать всё, но предпочитал плоскости. Он владел перспективой, но избегал её. И вот он гуляет по местам раннего возраста, проходит с кашлем и со вздохом мимо розового офисного дома, когда-то бывшего коричневым, жилым и своим; и вот он находит рядом старую арку, очень подходящую к нынешней осени и к жёлтому солнцу. Правая стена нетронута молодёжью, покрыта треугольным пятном света, а у пятна такие же потёртые углы, как бывают у трёхсотлетних известняковых блоков, из которых воспитанные народы строят себе дворцы. Трещины, узоры из пятен отвалившейся краски и сильный ветер, вносящий коррективу в цвет, придавали виду живости и определённости. Но бытовой супрематизм неприятен. В угол композиции просился женский бюст в белом платке, то есть, простите, девушка, по солнечное сплетение погружённая в предполагаемую раму. Найти глаза достаточного размера и лоб достаточной бледности в Последнем переулке не просто даже в это время года. Он пошёл далее.

На Сретенке есть не только Сретенский монастырь. Ещё там есть церковь, как-то связанная с печатниками. Храм бедный, стены белые, в иконостасе дырки, а Спаситель нарисован будто Алёнка на конфете. Зато на службе там поют четыре голоса невероятных, ангельских. Сыров зашёл внутрь. Хор составлен был из обычных прихожан, в их пении не было оперности, не было поверхностной оформленности. Они пели не технически, не отстранённо, а если отстраненно, то в другую сторону.

Среди сопран и мужчин меньше всего заметишь меццо или альт, подобно тому, как в номере телефона скорее всего забудешь середину. Зато среди тёмных голов легче увидишь

белую. Сыров ничего не понимал в богослужении. Он стал разглядывать стены, окна, из которых брусками выходил свет, в меру чистый пол – и во всём находил много неизобразимого. Видимо, некоторые вещи можно показать точно, только если поймёшь, как они связаны. Тем более что живопись не обращается сразу на всё, но выхватывает из видимого мира отдельные его силы, вроде движения, каких-то важных цветов или ещё чего-то, о чём словами не напишешь. Сыров не знал, где главное – значит, не мог расставить акценты. Зато ему сразу стало ясно, что средний голос был не отсюда, не из корневых, слишком уж она бойко стреляла глазами. Это было для неё игрой какой-то. Впрочем, домыслы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.